

О.В. ЛЕТОВ

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И ДОСТИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

1. Этические принципы исследований в области генетики

Термин «евгеника» (в переводе с греческого – «благополучно рожденный») впервые был введен в употребление Фрэнсисом Гальтоном в 1883 г. Гальтон пытался применить дарвиновскую теорию в отношении благородного происхождения людей.

Евгеника – это отнюдь не продукт современной эпохи. Человечество сталкивалось с подобной практикой со времен античности. Так, в Древней Спарте руководствовались принципом, согласно которому ни один ребенок с врожденными дефектами не имеет права на существование. При этом спартанцы ссылались на то обстоятельство, что «беспользные» граждане не могут служить интересам общества. Жителям Древнего Рима также была не чужда практика уничтожения «нежелательных» детей. Так, археологи были шокированы открытием древнеримского колодца, полного детских скелетов. Причем эти скелеты не имели каких-либо врожденных отклонений. Судя по всему, в Риме таким образом избавлялись от «неожиданных плодов любви» проституток. Тем самым римляне, как и спартанцы, пытались защитить себя от вторжения нежелательных граждан. Аборигены Полинезийских островов в условиях ограниченности земного пространства оставляли в живых лишь первого ребенка в семье.

Практика массового уничтожения людей во имя общественных интересов резко пошла на убыль с распространением христианства. Согласно христианскому учению, люди с физическими недостатками имеют не меньшую ценность перед лицом Бога, чем все остальные. К этим людям следует относиться с сочувствием и помо-

гать в их нелегкой жизни. Преступления против «нежелательных» людей запрещались в силу следующих принципов: 1) жизнь человеку дается только Богом, и никто не вправе ее отнять; 2) нет бесполезных существ, Бог каждому видит свое назначение; 3) все люди равны по своей человеческой сущности, и нельзя разделять людей на «высших» и «низших», на тех, кто имеет права жить среди нас, и тех, кто не имеет такого права; 4) по отношению к несчастным люди должны проявлять милосердие, а не жестокость. Несмотря на столь возвышенные идеи, в эпоху Средневековья преступления против достоинства человека не прекратились. Более того, в некоторых случаях эти преступления приобрели религиозный характер. Однако основное различие между античным и средневековым обществом заключалось в том, что в условиях Средневековья было наложено табу на умерщвление младенцев. Те, кто совершал подобные преступления, именовались грешниками, вступившими в сговор с дьяволом с целью разрушить установленный Богом порядок. Такие преступники подвергались суровому наказанию.

С точки зрения христианства люди, имеющие врожденные дефекты, являются отнюдь не дьявольскими, а божественными созданиями, как и все остальные люди. Дьявол не способен давать кому-либо жизнь: он может лишь вносить беспорядок в мир, созданный Богом. Однако некоторые фанатичные последователи христианства усвоили лишь положение о том, что дьявол способен вмешиваться в создание божественных сущностей, и рассматривали людей с врожденными недостатками как дьявольских монстров. В то же время преступления на почве евгеники не получили сколько-нибудь широкого распространения.

На смену Средневековью пришла эпоха Просвещения, и философы провозгласили тезис, согласно которому Бог – это ненужная гипотеза и что человечеству следует освободиться от тирании религиозных убеждений. Но наряду с религией в новую эпоху были забыты и моральные ценности, лежащие в основе человеческой культуры. Если религия учит человека соблюдать моральные заповеди под угрозой адских мук, холодный моральный закон философских систем не способен глубоко мотивировать людей, дабы уважать моральные ценности. В этих условиях идеи евгеники вновь обрели надежную почву.

В начале XX в., в эпоху научно-технической революции, евгеника обрела свое второе рождение. В 20-х годах в 16 штатах США

существовал закон, позволяющий лишать «нежелательных граждан» репродуктивной способности. В 1927 г. Верховный суд США подтвердил своим решением, что стерилизация не является жестокой формой наказания и что федеральные штаты свободны в принятии подобных евгенических законов. Согласно этим законам, помимо людей с врожденными дефектами, стерилизации могли быть подвергнуты алкоголики, уголовники и даже... бедняки. В 1935 г. в Оклахоме на волне движения евгеники был принят закон о принудительной стерилизации. Этот закон основывался на взглядах, согласно которым криминальные наклонности передаются генетическим путем. По решению суда принудительной стерилизации могли быть подвергнуты преступники, имеющие три и более судимостей. Однако против указанного закона возникают следующие возражения. Во-первых, концепция, согласно которой криминальные наклонности неизбежно передаются по наследству, не является очевидной и научно обоснованной. Во-вторых, принудительная стерилизация нарушает фундаментальный этический принцип уважения свободы человека, лишая его возможности принять собственное решение о том, иметь ли ему детей и если иметь, то сколько.

Наряду с США сходные евгенические законы были приняты в таких демократических государствах, как Канада, Швейцария и Швеция. В 1975 г. законы о стерилизации были разработаны в ЮАР, а в 1994 г. в Китае был принят закон, направленный на «улучшение качества новорожденных». Если в ЮАР и Китае существовали проблемы с соблюдением прав человека, то в других случаях евгенические законы были разработаны в странах, традиционно считающихся образцами демократии и гуманизма.

Но наиболее зловещий размах евгенические проекты получили в условиях нацистского режима. В 30–40-е годы в Германии вынашивались планы уничтожения целых рас. Жертвами нацистской практики стерилизации стали около 400 тыс. мужчин и женщин. На этом фоне жертвами «демократической евгеники» являются всего лишь несколько тысяч человек. Однако это обстоятельство не меняет природу подобных «экспериментов», выходящих за рамки морали.

Сторонники евгеники ставят перед собой целью создание такой цивилизации, в рамках которой основной задачей являлось бы не потребление, а любовь и интеллектуальное совершенствование. В условиях этой цивилизации повышение материального уровня жизни должно выступать следствием повышения уровня сознания.

Развитие науки и культуры является целью самой по себе, а не только средством достижения материального благополучия. Последователи евгеники отстаивают универсализм, подчеркивая единство человека и всех остальных живых существ на планете. Принцип «большого блага» понимается ими скорее с точки зрения Дж.Ст. Милля, чем с позиций гедонизма Дж. Бентама. Согласно учению евгеники, генетические свойства человека были благоприятны в условиях жизни предшествующих поколений. В настоящее время эти условия радикально изменились. Отказ от изменений природы человека может привести к гибели.

Даже в эпоху фараонов, цезарей и царей одаренный раб, проявив свои способности, мог достичь высокого социального положения. В современных условиях возросшей социальной мобильности все более формируется генетическая стратификация людей, значение которой превышает стратификацию, основанную на богатстве и власти. В XXI в. 60 млн. взрослых американцев не в состоянии прочесть первую полосу газеты, 3 американца из 10 в возрасте от 18 до 24 лет не в силах найти Тихий океан на карте мира. Вследствие универсальной системы образования и несовершенных критериев отбора людей по их способностям общество лишается тех ярких мастеров и поэтов, которые прежде создавали основу национальных культур. Знакомство с содержанием множества телевизионных передач, транслирующихся посредством сотни каналов, лишь подтверждает эту истину.

В среднем у матерей, имеющих внебрачных детей, коэффициент умственного развития (IQ) на 10 пунктов ниже, чем у матерей, воспитывающих детей в браке. Внебрачные дети во многом пополняют группу «отверженных» обществом людей. Если молодая, не лишенная способностей женщина рассматривает различные возможности их реализации и не возлагает особые надежды на помощь от государства, то женщина с низким уровнем интеллектуального развития рассматривает государственное пособие в связи с рождением детей как средство к обретению независимости. С одной стороны, общество обязано заботиться о незащищенных гражданах. Однако обратной стороной медали оказывается то, что оно способствует деторождению женщин с низким уровнем интеллектуального развития. Так, в США матери, получающие государственную поддержку, имеют в среднем 2,6 ребенка, в то время как матери, не нуждающиеся в такой поддержке, – 2,1.

Какие выводы следуют из указанных выше фактов? Означают ли они, что женщин из неимущих слоев населения необходимо лишить государственной поддержки? Поощрять представителей процветающего класса к деторождению? Или предоставить обществу возможность развиваться стихийно? Дж. Глэд считает, что, по меньшей мере, необходимо совершенствовать службу планирования семьи для малоимущих слоев населения (18, с. 48).

В рамках текущей государственной политики, как правило, игнорируются вопросы перспективного демографического развития. Сторонники евгеники исходят из того, что в вопросах социального планирования приоритет должен быть отдан интересам будущего поколения, поскольку это поколение обладает большим потенциалом. Политика – это борьба за власть между ныне живущими. И то, что является победой для настоящего поколения, может обернуться поражением для будущего.

Однако государство или какой-либо социальный институт не вправе подчинять себе репродуктивное поведение человека. Право иметь потомство без вмешательства третьих лиц является фундаментальной свободой, признанной как международным правом, так и общечеловеческой моралью. Такие цели, как стремление к здоровью и совершенству, избежание болезни, не предполагают постороннее вмешательство. Как подчеркивает В. Раджпут, ни один моральный принцип не входит в противоречие с евгеническими устремлениями отдельного индивида. Поскольку в репродуктивном выборе нет места силе и принуждению, нельзя считать неэтичными попытки родителей использовать достижения генетики в целях обретения здорового потомства. Родители, например, вправе на основе генетических исследований выбрать цвет глаз для своего будущего ребенка. Вместе с тем общество обязано поставить заслон тем политическим движениям, которые вынашивают идеи, противоречащие основным правам человека (11).

В 1994 г. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию, направленную против любых процедур, препятствующих репродуктивной способности людей. После этого сторонники мер по стерилизации бедных в такой стране, как Колумбия, были вынуждены под давлением протеста отказаться от своих планов. Некоторые считают, что мать с врожденными дефектами не в состоянии должным образом ухаживать за своим ребенком. Однако сторонники Резолюции Парламентской ассамблеи указывают на то

обстоятельство, что некоторые матери с врожденными пороками ухаживают более внимательно за своими детьми, чем обычные люди. О. Ифтим, например, выражает надежду, что в будущем все меньшее число людей будут вынуждены доказывать свое право на жизнь, – только в этом случае человек действительно сможет считать себя частью великой цивилизации (см.: 7).

Важные проблемы этического выбора возникают в процессе исследования генетических свойств человека. Дж. Савулеску предлагает следующий мысленный эксперимент: женщина готовится к зачатию *in vitro* четырех эмбрионов, один из которых будет имплантирован. Предполагается, что существуют генетические методы определения коэффициента будущего интеллектуального развития каждого эмбриона. Возникает вопрос: должна ли женщина проводить подобное генетическое исследование эмбрионов и использовать полученную информацию для выбора одного из них (13)?

Многие считают, что генетические исследования с целью совершенствования интеллекта не должны проводиться, а тем более использоваться в целях репродуктивного отбора. В противоположность этому Дж. Савулеску выражает убеждение, что человек морально обязан проводить генетические исследования состояний, не связанных с болезнью, и использовать эти знания в области воспроизводства будущих поколений. Если гены, связанные с болезнью, – это те, которые вызывают или предрасполагают к тому или иному врожденному заболеванию, то гены, не связанные с болезнью, вызывают или предрасполагают к определенным физическим или психологическим состояниям, как, например, рост, интеллект, характер и т.п. Выбор генов, не связанных с болезнью, Дж. Савулеску сравнивает с игрой на «Колесе Фортуны», где субъект использует всю имеющуюся информацию, которая бы позволила добиться максимального результата (см.: 13).

В соответствии с принципом благодеяния в области воспроизводства человека, выдвигаемым Дж. Савулеску, родители должны на основе доступной для них информации стремиться к рождению такого ребенка, у которого бы жизнь складывалась наилучшим образом, или, по крайней мере, так же хорошо, как и у других детей. Согласно этому принципу, ученые вправе осуществлять селекцию генов, не связанных с болезнями, даже в том случае, если этот отбор сохраняет или усиливает социальное неравенство.

Селекция эмбрионов в настоящее время возможна с помощью таких средств, как оплодотворение яйцеклеток *in vitro* и предимплантационный генетический диагноз. Однако до сих пор не существует методов исследования свойств генов, не связанных с болезнью, за исключением тех, в которых определяется пол будущего ребенка. Тем не менее ученые сохраняют надежду, что с возникновением таких методов люди будут иметь возможность осуществлять отбор будущего потомства. Что касается способов осуществления репродуктивного отбора, то отбор с помощью предимплантационного генетического исследования, безусловно, наносит меньший психологический вред, чем отбор посредством аборта.

Дж. Савулеску предлагает к рассмотрению простой случай отбора генов, связанных с болезнью. Родители, которые бы хотели завести ребенка с помощью оплодотворения яйцеклеток *in vitro*, имеют возможность выбора из двух эмбрионов. На основе комплекса тестов выясняется, что эмбрион А не имеет аномалий, в то время как эмбрион В имеет генетическую предрасположенность к заболеванию астмой. Представляется очевидным, что выбор должен остановиться на эмбрионе А. Противники принципа благодеяния в области воспроизводства человека могут выдвинуть возражение, согласно которому родители, выбирая эмбрион А, могут лишиться общества гения или олимпийского чемпиона. Однако на это Дж. Савулеску отвечает, что, выбирая эмбрион В, родители также могут лишиться общества гения, но уже не страдающего астмой. Допустим, женщина больна краснухой. Если она забеременеет сейчас, то у нее будет слепой и глухой ребенок. Если она подождет и забеременеет через три месяца, то она получит хоть и другого, но здорового ребенка.

Наряду с принципом благодеяния выдвигаются другие принципы в области воспроизводства человека. 1. Принцип «прокреативной свободы» утверждает о том, что родители должны быть свободны в выборе того, когда, как и какого заводить ребенка. 2. Согласно принципу «недирективного консультирования», врачи и генетики должны лишь предоставлять родителям информацию о риске, связанном с рождением ребенка, и о возможностях уменьшить этот риск. Они не должны навязывать родителям свои советы. 3. Согласно принципу «максимальной защиты интересов ребенка», благополучие и интересы родившегося или вынашиваемого ребенка являются первостепенными (13).

Под «лучшей жизнью» понимается максимально благополучная жизнь. Существуют разные теории благополучия: гедонистическая теория, теория осуществления желаний, теория «списка целей». Сторонники теории гедонизма во главу угла ставят вопрос о качестве человеческих ощущений, в первую очередь ощущения удовольствия. Представители теории осуществления желаний особое внимание уделяют степени осуществления желаний человека. Последователи теории «списка целей» выделяют определенные виды деятельности, приносящие человеку благо, такие, как достижение человеком достойных целей в жизни, обладание достоинством, воспитание детей, стремление к знанию о мире, развитие своего таланта, восприятие прекрасного и т.п. Сократ в платоновском «Филебе» утверждал, что лучшая жизнь – это единство мудрости и удовольствия.

Противники селекции генов, не связанных с болезнями, утверждают, что эта селекция способна причинить вред ребенку. Этот вред может выражаться в том, что в своих чрезмерных ожиданиях родители используют ребенка как средство, а не рассматривают как цель. Кроме того, используя предоставленную им информацию, родители лишают ребенка «открытого» будущего. Сторонники генетического отбора отвечают на эти возражения тем, что вред ребенку оказывается незначительным: «Родители любят того ребенка, какой у них есть» (13, с. 422).

Другое возражение противников селекции сводится к тому, что отбор таких свойств, как половая принадлежность, интеллект, физические и психологические достоинства, лишь увеличивает общественное неравенство и тем самым нарушает принцип справедливости. Однако подобные возражения выдвигаются и по отношению к селекции генов, связанных с заболеваниями. Так, выявление генетической предрасположенности эмбриона к синдрому Дауна рассматривается как дискриминация по отношению к детям, страдающим этой болезнью. Однако сторонники генетического отбора считают, что допускать риск иметь детей с подобным неизлечимым заболеванием во имя принципа равенства было бы неоправданной мерой.

Вместе с тем селекция генов не означает, что жизнь людей, действительно страдающих серьезными заболеваниями, менее достойна уважения или менее ценна. Попытка не допустить случай, способный привести к синдрому Дауна, не значит утверждать, что люди с этим заболеванием менее достойны уважения. Важно различать болезнь, с одной стороны, и людей, страдающих этой бо-

лезную, – с другой. Сторонники селекции пытаются бороться с первым, но ничего не утверждают о ценности последних.

То же самое касается и селекции генов, не связанных с болезнью. Хотя эта селекция и не предотвращает ту или иную болезнь, зато она способствует благополучию человека. Если, например, селекция гена, связанного с уровнем интеллекта, способствует благополучию человека, родители имеют основание сделать этот выбор вопреки принципу равенства. Предположим, что в одной стране существует серьезная дискриминация женщин: женщины получают существенно меньшую зарплату, служат в качестве служанок для мужчин, родители не рады появлению на свет девочки. Согласно принципу благодеяния, перед тем, как завести ребенка, родители должны обратиться к определению половой принадлежности плода и выбрать мальчика, поскольку ему живется лучше в этом обществе. Этот выбор они должны осуществить вопреки тому, что он усиливает дискриминацию в отношении женщин. В данных условиях необходимо способствовать проведению реформы социальных институтов, а не вмешиваться в область репродукции человека. Лучшее средство борьбы с дискриминацией – это исправление способствующих ей социальных институтов. С помощью этого средства общество может достичь как равенства, так и того, что его члены могут наслаждаться лучшей жизнью. Если в обществе существует несправедливое отношение к женщине, то это отношение следует рассматривать отдельно от возможности родительского выбора. Эта возможность не может служить инструментом социальных изменений.

Существует различие между принципом благодеяния в области воспроизводства человека, с одной стороны, и евгеникой – с другой. Евгеника – это селекция, направленная на выведение лучшей популяции. Обоснование возможности вмешательства в область человеческой репродукции с точки зрения общественных интересов отличается от принципа благодеяния, который направлен на возможность получения лучшего из возможных детей в отдельно взятой семье. Иными словами, если сторонники евгеники имеют дело с интересами общества в целом, то последователи принципа благодеяния в области человеческого воспроизводства касаются интересов частных лиц. Именно сторонники евгеники, ссылаясь на интересы общественного блага, пытаются оказать влияние на процесс человеческого воспроизводства путем принудительной стерилизации.

Предположим, что родители-карлики хотели бы с помощью оплодотворения яйцеклеток *in vitro* и предимплантационного генетического исследования завести ребенка-карлика, поскольку их дом предназначен для таких людей. Этот выбор если бы и не причинил прямого вреда ребенку, то вступил бы в противоречие с принципом благодеяния в области воспроизводства человека. Таким образом, нередко существует неразрешимое противоречие между принципом благодеяния и принципом уважения свободы. В условиях демократии предпочтение обычно отдается свободе индивида. Общество должно разрешать родителям самим принимать решение, какого ребенка они хотели бы иметь. Однако это обстоятельство вовсе не означает, что не существует нормативных принципов, лежащих в основе подобного выбора.

Будучи важным принципом, благодеяние в области воспроизводства человека должно быть увязано с другими принципами. Например, на основе принципа уважения свободы люди, страдающие врожденными недугами, имея на то достаточные основания, обладают правом выбирать подобного себе ребенка. В тех же случаях, когда родители в силу каких-то предрассудков не хотят получать и использовать доступную для них информацию о генах, способных оказать влияние на благополучие их детей, врачи могут убедить их использовать эту информацию в процессе принятия решения.

В некоторых странах использование клонирования и генетических технологий в целях человеческой репродукции запрещено законом. Согласно М. Мамели (16), эти законы носят противоречивый характер. С одной стороны, любое принудительное использование подобных технологий должно быть исключено. С другой стороны, остается вопрос, имеют ли родители, не имеющие возможности иметь детей, гипотетическое право использовать эти технологии для реализации своего желания.

Одни утверждают, что родители вправе не только выбирать, иметь детей или не иметь, но и с помощью каких методов решить эту проблему. Другие выступают против использования репродуктивных технологий, поскольку оно нарушает права новорожденных. Они справедливо считают, что в настоящее время применение генетических технологий и клонирования в этой области небезопасно и может повлечь за собой отклонения в развитии родившихся таким образом детей. Однако даже если допустить, что со временем ученые обеспечат надежность подобных технологий, противники этих технологий

полагают, что их использование нарушает принцип уважения свободы родившихся таким образом людей, поскольку знание о способе своего рождения снимает с них полную ответственность за свои поступки.

Под генетическим выбором понимают изменение по воле родителей генетических свойств детей. Выбор внешних условий развития имеет место тогда, когда родители определяют, какое образование и с помощью каких методов получит их ребенок, какие формы поощрения и наказания следует применить в процессе воспитания и т.п. Как генетический выбор, так и выбор внешних условий развития обуславливают фенотип ребенка. Любое свойство личности – это результат взаимодействия как генетических факторов, так и условий окружающей среды. Ни одно свойство не определяется целиком ни генетическими, ни внешними факторами. Желая определенным образом направить развитие своего ребенка, родители вправе изменять некоторые внешние факторы его формирования. Мамели считает, что точно так же родители в принципе могут изменять генетические факторы развития детей (16, с. 88).

Серьезные возражения против использования генетических технологий и клонирования в репродуктивных целях выдвинул Ю. Хабермас (17). Согласно его позиции, люди, родившиеся в результате использования генетических технологий, не способны чувствовать себя «хозяевами» своей жизни, и, следовательно, они не могут нести полной ответственности за свои поступки. Узнав о способе своего появления на свет, эти люди приходят к убеждению, что ответственность за их поступки несут не они, а их родители. Подобное убеждение вступает в противоречие с принципом уважения свободы субъекта и подрывает его статус как полноправного члена морального сообщества. Чтобы быть полноправным членом сообщества, субъект должен нести ответственность за свои поступки в той же мере, как и остальные, что нельзя, согласно Хабермасу, сказать о людях, родившихся в результате использования генетических технологий (там же, с. 42, 78).

Поступки любого субъекта отчасти обусловлены процессом психологического формирования его личностных качеств. Никто не несет полную ответственность за этот процесс. Конечно, люди, достигнув определенного уровня самосознания, могут пытаться изменить какие-то свои личностные черты: привычки, желания, убеждения и т.п. Иногда эти попытки оказываются успешными. В этом смысле личность несет определенную ответственность за

процесс формирования своего сознания. Однако в данном случае трудно говорить о полной ответственности, поскольку многие личностные качества человека формируются до того периода, когда он достигает уровня самосознания. Таким образом, М. Мамели приходит к выводу, согласно которому факт, что люди, родившиеся в результате использования генетических технологий, не могут нести полной ответственности за процесс своего психологического формирования, не означает, что они в меньшей степени ответственны за свои поступки, чем другие.

Согласно Хабермасу, субъект не может быть полностью ответствен за свои поступки, если процесс его формирования обусловлен выбором других людей. Одно дело, когда свойства личности обусловлены естественным сочетанием хромосом родителей, другое – когда эти свойства определяются искусственным подбором генетических качеств. Однако свойства человека, родившегося «естественным» образом, во многом зависят от выбора родителями внешних условий его развития. Если одни родители способствуют развитию в первую очередь физических качеств своего ребенка, стремясь вырастить из него, например, успешного теннисиста, то другие родители делают акцент на развитии интеллектуальных качеств, пытаясь сформировать из ребенка незаурядного ученого. То, что некоторые свойства людей, родившихся в результате использования генетических технологий, обусловлены сознательным выбором родителей, не означает, что эти люди менее ответственны за свои поступки. Разница между ними и людьми, рожденными «естественным» путем, заключается в том, что в первом случае выбор родителей определяется генетическими факторами, а во втором – внешними условиями развития. Однако, согласно Хабермасу, если выбор внешних условий развития оказывается обратимым, то генетический выбор – нет. Иными словами, будучи взрослыми, люди могут преодолеть нежелательные для них последствия выбора внешних условий своего развития. Значительно труднее это сделать в отношении последствий генетического выбора. Напротив, Мамели, ссылаясь на биологические и психологические исследования, подчеркивает, что влияние внешних условий на процесс формирования, особенно в период раннего детства, может быть необратимым, в то время как последствия генетического выбора могут быть обратимыми (16, с. 89). То есть в отношении обратимости по-

следствий между внешними и генетическими факторами не существует какой-либо асимметрии.

Хабермас считает, что знание об обстоятельствах своего рождения приводит людей, родившихся в результате использования генетических технологий, к недооценке самих себя: они не могут ощущать себя полноправными членами морального сообщества. В ответ сторонники использования генетических технологий приводят возражение, согласно которому ложные убеждения людей не могут быть основанием для ограничения их свободы. Вина за подобную недооценку ложится скорее на самих этих людей, чем на их родителей. Если бы использование клонирования и генетических технологий в целях человеческой репродукции стало легальным, то некоторые люди, родившиеся в результате этого использования, имели бы искушение заявить, что вина за их поступки, в особенности социально нежелательные, ложится не на них самих, а на их родителей. Однако и люди, родившиеся «естественным» путем, нередко склонны возлагать ответственность за свои поступки на родителей, поскольку именно они выбрали форму их образования и воспитания. Но это обстоятельство не может служить основанием для того, чтобы запретить родителям выбирать, какое образование должен получить их ребенок. Точно так же гипотетическое злоупотребление родителями возможностями генетических технологий не должно являться основанием для запрета подобных технологий. Отказ от ответственности за свои поступки влечет за собой исключение из числа полноправных членов сообщества. Любой человек, будь то родившийся «естественным» путем или посредством генетического вмешательства, вряд ли согласится с подобным положением.

Противники использования генетических технологий в репродуктивных целях утверждают о том, что подобное использование нарушает право ребенка на «открытое будущее», в особенности в тех случаях, когда родители стремятся увидеть в будущем ребенке свои собственные черты. Выбор родителей существенным образом влияет на «жизненные планы» детей. Если допустить, что с помощью генетического вмешательства родители развили у ребенка музыкальные способности, то этот выбор произошел в ущерб другим его способностям. В современном плюралистическом обществе, когда у человека существует большой выбор применения своих сил, подобное решение родителей действительно существенно влияет на жизненные планы ребенка. Другое дело в тоталитар-

ном обществе, где человеку бывает трудно реализовать жизненный план, выбранный им самим. Практически в любом обществе у разных людей существуют различия в возможностях реализации жизненных планов. Дети богатых родителей, как правило, имеют больший выбор в реализации своих жизненных планов. Однако было бы неверно осуждать бедных людей за то, что они «нарушают» право своих детей на «открытое будущее».

Мамели приводит следующий пример. Члены одной религиозной секты обратились в суд с требованием, чтобы их дети в 14 лет прекратили свои занятия в школе за два года до того, как ее заканчивают обычные дети. При этом они ссылались на то обстоятельство, что содержание занятий в старших классах школы противоречит образу жизни их религиозного сообщества. На этих занятиях обучают не тем навыкам и умениям, которые требуются для полноправного члена этого сообщества. И хотя подобное решение родителей существенным образом влияет на реализацию жизненных планов детей, суд удовлетворил их просьбу. Таким образом, родители в своем выборе внешних условий формирования ребенка могут существенным образом повлиять на реализацию его жизненных планов. Генетический выбор родителей может как ограничить, так и расширить возможности реализации жизненных планов ребенка. Отсюда Мамели делает вывод, что в разумных пределах как генетический выбор, так и выбор внешних условий формирования ребенка, которые в той или иной степени оказывают влияние на реализацию жизненных планов, являются оправданными (см.: 16, с. 90–91). Другое дело, что границы возможностей этого выбора должны быть законодательно определены обществом.

Иное возражение противников использования генетических технологий в репродуктивных целях связано с пониманием самих себя людей, которые могли бы появиться на свет в результате клонирования. Зная об условиях своего рождения, эти люди могли бы испытывать чувство, будто их судьба уже «написана». Они как бы обречены жить «в тени» своего предшественника. Тем самым нарушается принцип уважения их свободы в реализации жизненных планов. Сторонники использования генетических технологий считают, что, зная об условиях своего рождения, люди, которые могли бы появиться на свет в результате клонирования, должны, наоборот, восстать против мысли о предопределенности их судьбы и сделать все возможное, чтобы самим выбрать свой жизненный

путь. Кроме того, общество должно с детства приучать таких людей к убеждению, что генетическое сходство не означает тождество жизненных планов. Вступив в период зрелости, люди, родившиеся в результате использования генетических технологий, должны сами решать, идти ли им «по стопам» родителей или выбирать собственный жизненный путь. Например, первый ребенок, родившийся в семье правящей династии, неизбежно испытывает на себе ожидания не только родителей, но и всей нации. Люди верят, что наступит момент, когда он будет должен взойти на престол. Однако на этом основании трудно обвинить родителей в том, что они нарушают его жизненные планы. Точно так же, считает Мамели, ожидания родителей, дети которых появились на свет в результате использования генетических технологий, нельзя рассматривать как нарушение права на открытое будущее.

Сторонники использования генетических технологий подчеркивают, что с правовой точки зрения необходимо одинаковым образом рассматривать как генетический выбор родителей, так и выбор внешних условий формирования ребенка. Следует способствовать здоровым отношениям между родителями и детьми и сводить к минимуму риск плохого обращения с ребенком, будь то вследствие традиционных методов или применения новых технологий.

В современных условиях здоровье понимается не просто как отсутствие болезни, не как состояние полного физического, психического и социального бытия человека, а скорее как степень информированности субъекта. Здоровье предполагает поддержку врачей-профессионалов, с одной стороны, и равный доступ пациентов к информации о здоровье – с другой.

В условиях новой, «генетической» парадигмы Х.-М. Саас выделяет следующие три области, нуждающиеся в изменениях как научного, так и этического характера: 1) клинические исследования в области разработки лекарств; 2) общие медицинские исследования в области генетики; 3) конкретные исследования в области генетических заболеваний. В этих обстоятельствах на смену традиционной умеренно-патерналистской модели «информированного согласия» приходит модель «информированного контракта» между врачом и пациентом (12).

Известно, что определенные лекарства воздействуют на разных людей по-разному, вызывая нередко побочные эффекты, а иногда и смерть. Точные генетические исследования фармацевти-

ческого метаболизма с помощью индивидуальных предписаний способны существенно усовершенствовать процесс применения лекарств. Опасения, что подобные исследования могут привести к генетической дискриминации, необоснованны как с клинической, так и с этической точки зрения. Ведь исследования типов крови не привели к дискриминации вопреки тому, что некоторые люди обладают редким типом крови и, следовательно, для них труднее осуществить процесс переливания крови. Новая модель взаимоотношений между врачом и пациентом – это скорее модель «вариаций», чем модель «нормы» и «отклонения от нормы». Игнорирование результатов генетических исследований в области фармакологии противоречит таким этическим принципам, как «не навреди» и уважение свободы субъекта.

Одна из важных задач медицинской этики – включение в процесс генетических исследований все более широких групп населения. Подобное включение способствует более глубокому изучению генома человека. Вопрос в том, принимать или не принимать участие в процессе генетических исследований, зависит от этической позиции индивида и решается им самим. Описание генетических свойств в отношении лекарств, питания, стиля жизни и предрасположенности к отдельным заболеваниям лишь способствует благу индивида и его семьи. Если бы социальные институты одобрили идею договора между учеными-медиками и населением о генетических исследованиях, это расширило бы горизонты генетики как науки.

По мнению Саас, любые модификации традиционной модели отношений информированного согласия между врачом и пациентом не способствуют благу самого пациента. В рамки этой модели не укладываются, например, исследования по генетической предрасположенности к раковым заболеваниям. Условия контракта предполагают обязательство ученых-генетиков сообщать пациентам о результатах своих исследований. Эти условия включают в себя изучение генетических свойств пациента, которые могут быть, а могут и не быть связаны с его болезнью. Следует учесть, что процесс изучения генетических свойств пациента может занять достаточно длительное время. В соответствии с контрактом должны быть защищены его человеческие и гражданские права. Пациент должен обладать правом выбора: 1) на отказ от предоставления определенного рода информации; 2) на то, чтобы отложить принятие того или иного решения до получения более точных результатов

исследования. В контракте должна быть освещена моральная сторона вопроса о возможностях ознакомления с результатами генетического исследования членов семьи пациента. Таким образом, «контрактная модель» четко отражает конкретные права и обязанности как ученых-медиков, так и пациентов. Остается открытым лишь вопрос о том, имеют ли право пациенты на моральную и материальную компенсацию в том случае, если ученые по каким-то причинам откажутся от условий выполнения контракта (12).

Генетические исследования предоставляют новые средства изучения условий человеческого существования, новые методы борьбы с болезнями. Однако эти средства способны служить не только благим, но и порочным целям. Развитие генетики должно сопровождаться процессом популярного изложения достижений науки среди населения, защитой гражданских и человеческих прав пациентов. В этих условиях формируется новый тип солидарности – солидарность помощи друг другу в преодолении тех или иных недугов. Все это требует переосмысления правил взаимоотношений между врачом и пациентом. Саас формулирует следующие положения новой модели «информированного контракта».

1. Образованные и ответственные люди имеют полное моральное право обладать исчерпывающей информацией относительно их генетических свойств.
2. Ученые-медики не имеют права скрывать информацию, касающуюся генетических свойств пациентов: они обязаны разъяснять пациентам суть этой информации.
3. Ученые-медики в своей деятельности должны руководствоваться «невидимым контрактом доверия», делая все возможное в интересах здоровья пациентов.
4. Государственные институты должны обеспечивать защиту человеческих и гражданских прав пациентов; этика в области генетических исследований должна основываться на принципах открытого доступа к информации и образованию (12).

Рождение овцы Долли, первого клона среди млекопитающих, положило начало дискуссиям среди не только ученых, но и представителей общественности о возможности и желательности подобных технологий. Причем непрофессионалы играли важную роль в подобных дискуссиях, получивших широкое отражение на страницах периодических газет и журналов. С самого начала ученые ставили перед собой цель исследовать необратимость изменений генетического материала отдельных клеток, взятых от взрослых животных. В 1950–1960-е годы генетические эксперименты

были произведены над земноводными, в 1970-е – над мышами, в 1980-е – над овцами и, наконец, в 1990-е – над обезьянами. Эти эксперименты подтвердили, что в ходе их проведения гены претерпевают обратимые изменения.

Долли была выращена из клеток ткани шестилетней овцы. Затем эти клетки были смешаны с неоплодотворенными яйцами. Из 276 оплодотворенных яйцеклеток лишь 29 развивались нормально. В конечном итоге была получена лишь одна особь. Появление Долли открыло революционные перспективы для биологического конструирования животных. Силами ученых Рослинского института была предложена новая технология получения генетически модифицированных животных. Если технология на клеточном уровне обеспечивала воспроизводство лишь 2–3% из общего количества оплодотворенных клеток, то новая технология на ядерном уровне давала более успешные результаты производства генетически модифицированных животных.

После успешного эксперимента с Долли ряд научных лабораторий начал разработку различных применений клонирования животных. Успешно были получены клоны таких животных, как козы, коровы и обезьяны. В настоящее время исследуется вопрос о том, все ли виды животных подлежат клонированию. В ходе научных исследований было выявлено, что чужеродная ДНК может быть «встроена» в структуру генома без какого-либо нарушения генетических связей.

В процессе клонирования животных ученые ставят перед собой следующие научные цели. 1. Генетически модифицированные овцы, коровы и козы могут быть использованы в качестве биореакторов для производства содержащегося в молоке человеческого протеина. 2. Органы клонов свиньи могут служить целям ксенотрансплантации при лечении безнадежно больных людей. 3. Трансгенные образцы животных могут служить необходимым материалом для исследования методов лечения человеческих болезней. 4. В ходе клонирования могут быть созданы образцы домашних животных, по тем или иным качествам превосходящие имеющиеся породы. Эти результаты могут быть успешно использованы в области сельского хозяйства. Таким образом, генетическое клонирование животных находит свое применение не только в области медицины, но и в сфере промышленной биотехнологии.

Однако развитие биоинженерии порождает целый ряд этических проблем. Так, клонирование способно разрушить устойчивость

вида, нанести урон адаптивным механизмам, сформировавшимся в процессе эволюции. Возникает вопрос: имеет ли человек моральное право претворять в жизнь результаты биотехнологических исследований с их непредсказуемыми последствиями во имя технического прогресса или предполагаемой экономической выгоды?

Некоторые философы, опираясь на положение о том, что животные имеют статус моральных субъектов, считают, что их нельзя использовать в качестве средства для осуществления человеческих целей. На этом основании указанные философы выступают против клонирования животных. Другие полагают, что люди могут использовать животных в качестве испытуемых в научных исследованиях с учетом некоторых ограничений. Эти ограничения выражаются в том, что: 1) цели по своим перспективам должны существенно превосходить затраты; 2) проведение данных экспериментов не имеет иной альтернативы; 3) страдания животных должны быть сведены до минимума.

Революция в генетике изменила сам образ жизни человека. С помощью генетики человек способен решить проблемы своего пропитания. Вместе с тем последствия применения генетики необратимы: создавая генетически измененный вид животного или растения, человек делает это навеки. Основная этическая задача, стоящая перед обществом, – свести к минимуму потенциальный вред от этих исследований без объявления моратория на них. В настоящее время людей беспокоит то обстоятельство, что новая технология может оказаться враждебной, безличностной и непонятной для простых смертных.

На базе ДНК каждый человек имеет от 3 млн. до 6 млн. различий. Эти различия лежат в основе его индивидуальности. Эти различия обуславливаются не только генетическими факторами. В этой связи возникает опасность «генетического детерминизма», согласно которому генетически обусловлены больше факторов, чем есть на самом деле.

В будущем знание в области генетики будет иметь далеко идущие этические, правовые и социальные последствия. Информация в этой области касается всей семьи, и диагноз в отношении одного человека имеет прямые следствия для всех членов семьи. Поздно спорить о том, запретить научные исследования в этой области или нет. Основной вопрос сводится к тому, как контролировать этот процесс, чтобы он принес наибольшую пользу людям.

Однако прогресс генетики имеет свою обратную сторону. Обнаруженные за последнее время побочные явления в области клинических испытаний свидетельствуют о серьезных недостатках, касающихся как самих исследований по генной терапии, так и контроля этих исследований со стороны общественности (прежде всего в лице этических комитетов) (4).

В области генной терапии предполагалось сходство между предклиническими и клиническими результатами исследований. Иными словами, свойства вирусов, наблюдаемых на опытах с обезьянами, традиционно экстраполировали на человека. Однако в последнее время выяснилось, что вирусы проявляют патогенные свойства только по отношению к определенным видам живых существ. Другими словами, свойства, обнаруженные в исследовании, например, обезьян, можно экстраполировать на человека лишь с той или иной степенью вероятности. Так, в процессе испытаний у троих из восемнадцати пациентов обнаружили побочные явления, в то время как при исследовании обезьян таких явлений обнаружено не было (4). Таким образом, в области генной терапии требуется индивидуальное исследование иммунной системы каждого пациента.

Очевидно, что отношения между ученым-исследователем и испытуемым отличаются от отношений между врачом и пациентом. Это отличие обусловлено разными интересами. Если непосредственной целью врача является лечение пациента, то целью ученого выступает поиск новых терапевтических средств, что лишь опосредованно связано с благом пациента. Более того, отношения между ученым и испытуемым носят более сложный характер, поскольку на результат исследования могут оказывать влияние внешние факторы, такие, как финансовая выгода или слава, спонсоры, с одной стороны, или родственники испытуемого – с другой. В то же время ответственность за здоровье пациента, независимо от его информированного согласия, лежит на ученом-испытателе. Согласно Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации, «ответственность за человека должна всегда возлагаться на лицо, обладающее медицинской квалификацией, и никогда на субъекта, принимающего участие в исследовании в качестве испытуемого, даже если он и дал на это исследование свое согласие» (4, с. 496).

Однако с развитием медицинских технологий характер ответственности врача или исследователя меняется. Медицина на всех уровнях становится в настоящее время все более групповым

видом деятельности. Врачи работают совместно с медицинскими сестрами, нянями и представителями других связанных с медицинской профессий. Врач все более становится безличностным гарантом обеспечения медицинской помощью. Этому способствует все более возрастающий технологический характер современной медицины. Личность врача или ученого-исследователя оказывается менее значимой по сравнению с возможностями технологии, которые он (или его команда) использует.

Отношения между исследователем и испытуемым нельзя рассматривать как договор между равными сторонами. Свое здоровье испытуемый полностью доверяет ученому-исследователю. В этих отношениях факт уязвимости испытуемого накладывает на исследователя большую моральную ответственность. Между испытуемым и ученым невозможны «нейтральные», «незаинтересованные» отношения. Вместе с тем здоровье пациента по определению не является главной целью исследования, и соединение интересов ученого и испытуемого часто становится результатом компромисса. Оказать помощь испытуемому в принятии им информированного согласия на участие в исследовании способен независимый штат квалифицированных людей (психологов, социальных работников и т.п.). Иными словами, чтобы полностью реализовать право испытуемого на информированное согласие, требуются независимые этические комитеты.

Конфликт интересов может возникать в том случае, если ученый А, участвующий в качестве члена этического комитета в оценке исследования другого ученого Б, через определенный промежуток времени представляет уже свои результаты исследования этическому комитету, членом которого является ученый Б. «Сообщество специалистов в области генной терапии растет, медицинские ресурсы ограничены, научное открытие кажется все ближе и ближе, и на первый план выходят такие факторы, как деньги и слава» (4, с. 498). Согласно конкретным исследованиям, 94% случаев побочных эффектов в области исследований по генной терапии было скрыто от общественности. Рыночные законы издательской деятельности не позволяют публиковать факты, касающиеся неудач в области генной терапии: слишком много денег вложено в эту отрасль крупными биотехнологическими компаниями. В силу конкуренции между ними исследования с одним и тем же результатом проводятся несколько раз. Таким образом медицинские ре-

сурсы расходуются впустую или, по крайней мере, нерационально. Подобных негативных факторов можно было избежать, если бы имела место открытая дискуссия, посвященная острым вопросам развития науки в данной области.

В любом исследовании природа инструмента оказывает влияние на природу получаемой с помощью него информации. Генетический материал с помощью технологии превращается в информацию, а эта информация становится средством предотвращения болезни.

Технология, которая выходит за рамки простого выявления молекулярной информации, может составлять угрозу для целостности бытия. Угроза возникает там и тогда, где и когда появляется намерение облагодетельствовать человечество. Это намерение может подкрепляться идеей, согласно которой то, что считается «правильным» (действительным, точным), не обязательно является «истинным» (уместным, значимым). Хотя риск появления болезни и сама болезнь – это разные вещи, пациенты, которые знают о своей подверженности тому или иному заболеванию, могут чувствовать, что болезнь уже начала развиваться в их организме. Когда предрасположенность к заболеванию выявлена в процессе генетических исследований, потенциально свободные индивиды могут превращаться в потребителей медицинской технологии, жизнь которых целиком зависит от этой технологии.

Природа взаимоотношений между врачом и пациентом понимается как сочетание трех элементов: 1) факт болезни; 2) акт профессиональной оценки; 3) медицинский акт (5, с. 260).

Когда болезнь обнаружена, отношения между врачом и пациентом направлены на то, чтобы восстановить здоровье последнего. «Акт профессиональной оценки» – это объявление врача о том, что он способен предложить пациенту адекватные методы выявления и лечения болезни. Однако люди могут стремиться к тому, чтобы пройти генетическое исследование и в отсутствии болезни. Последствия «медицинского акта» в виде генетического исследования могут привести к «факту болезни» нормально чувствующего себя индивида. Хотя этот индивид и чувствовал себя прежде здоровым, он может воспринимать себя менее здоровым после того, как он получил информацию о своей генетической предрасположенности к развитию той или иной болезни. Ощущение болезни можно рассматривать как угрозу целостности человека. Эта угроза способна вызывать у человека чувства изоляции и одиночества.

Характеристики человеческого бытия определяют моральные границы взаимоотношений между врачом и пациентом. Свободный индивид делает свой выбор в пользу того или иного метода лечения на основании адекватной информации о риске, связанном с этим методом. Согласно принципу уважения свободы, врачи должны в той или иной степени посвящать пациента в процесс принятия решения о выборе метода лечения. Моральные обязательства возникают из соглашения, заключенного между врачом и пациентом. Важнейшим из этих обязательств является достижение взаимного уважения. Врач может совершать те или иные действия на благо пациента только в том случае, если они основаны на взаимном согласии. В процессе генетических исследований информированное согласие достижимо тогда, когда известны риск и последствия знания о риске того или иного заболевания. Согласие на проведение исследования, последствия которого не вполне известны, не может основываться лишь на взаимном уважении врача и пациента. Если подобное согласие и достигнуто, то в основе его лежит глубокий дисбаланс в знании между врачом и пациентом. Когда все отрицательные последствия исследования неизвестны, согласие на его проведение, основанное на взаимном доверии, трудно достижимо, поскольку при этом нарушается основной этический принцип «не навреди». Фундаментальная угроза целостности бытия человека существует тогда, когда ученые обладают знанием о предполагаемой пользе проводимого исследования в отсутствии знания о потенциальном вреде от него.

Любой индивид хотел бы ограничить доступ посторонних к собственной генетической информации. Люди – социальные существа, их существование обусловлено отношениями с другими людьми. Полученная в процессе исследования генетическая информация способна оказать существенное влияние на других членов семьи. Результаты этих исследований представляют общественный интерес с точки зрения будущих поколений. Все это может послужить обоснованием для социального использования, накопления и хранения генетической информации. Предполагаемая социальная польза генетических исследований может привести к тому, что интересы отдельного индивида будут принесены в жертву интересам общества. Угроза целостности бытия человека может возникнуть тогда, когда генетическая информация превратится в предмет потребления: информация накоплена, каталоги генетиче-

ской информации собраны в архив, доступные для будущих исследований. Так, реализация проекта генома человека включает в себя информацию о генетических кодах, средства для биотехнологий и исключительные права на частный или общественный консорциум. Если отдельная генетическая информация представляет реальность фрагментарно, то геном человека создает фундамент для будущих исследований, таких, как развитие генной терапии. Генетика способна «бросить» всех людей, и больных, и здоровых, «в объятия» системы медицинского обслуживания.

Результат генетического исследования – это репрезентация человеческого потенциала как определенного порядка микромолекул. Если правильный порядок означает здоровье, то неправильный указывает на возможность того или иного заболевания. Однако точность не гарантирует истинность, поскольку истина предполагает глубокое и полное понимание реальности. Целостность бытия человека оказывается под угрозой, когда при применении медицинской технологии перспектива пациента остается неясной. Хотя результаты генетических исследований способны давать адекватную информацию, однако эти результаты не приближают людей к пониманию того, кто они есть и кем они способны стать. Если генетические исследования станут основным способом познания природы человека, то при этом вне поля зрения оказываются другие пути познания и ограничивается познание истины.

Генетические исследования способны представлять угрозу целостности бытия как медицинских работников, так и пациентов. И те и другие могут ошибаться в своем выборе, возлагая надежды на особые возможности генетики изменять обычную практику. Ведь генетическая информация о предрасположенности пациента к той или иной болезни может быть получена в отсутствии соответствующих методов лечения этой болезни.

Ценность человеческой целостности может оказаться менее значимой, чем ценность технологии. Примером того, как одна технология используется для улучшения другой технологии, является проект генома человека. В 1988 г. директор этого проекта Фрэнсис Коллинз утверждал, что приоритетом является развитие генетических технологий: на основе этих технологий возможна реализация всех остальных целей проекта. И. Джаирелли считает, что подобное утверждение ставит технологию выше такой ценности, как идентичность субъекта.

Подвергая критическому анализу перспективы генетических исследований, Джиарелли выдвигает такой принцип медицинской этики, как «сохранение целостности бытия человека». Этот принцип призван обеспечить пациентам безопасное существование. Тот, кто стремится сохранить целостность бытия, убежден в ценности единства человека как личности. Биоэтические принципы благодеяния, «не навреди», уважения свободы и справедливости достаточны в процессе обычных клинических исследований, таких, как биохимический анализ или томография. В рамках обычных исследований медицинские работники могут соотносить пользу и вред как известные составляющие оценки. В тех случаях, когда все последствия применения медицинской технологии неизвестны и некоторые из этих последствий способны составлять угрозу целостности человеческого бытия, этические ценности должны преобладать над соображениями пользы. В рамках генетических исследований известные биоэтические принципы должны быть дополнены новым, направленным на поддержку целостности человеческого бытия. Этот новый принцип тесно связан с остальными, поскольку, «когда сохраняется целостность бытия индивида, принципы благодеяния, “не навреди”, свободы и справедливости могут только приветствоваться» (5, с. 263).

Абсолютную ценность генетических исследований нельзя определить традиционным путем соотнесения пользы и вреда, как это предлагают сторонники утилитаристской этики. Необходим дифференцированный подход к определению блага. Такие этические принципы, как благодеяние, «не навреди», свободы и справедливости, необходимы, но недостаточны в решении проблем, связанных с генетическими исследованиями. Эти принципы недостаточны, чтобы предотвратить угрозу целостности бытия человека. Появление генетических тестов призывает медицинских работников сохранить целостность человеческого бытия. «Медики не должны низводить пациентов до существ, состоящих из молекулярных элементов, вместе с тем признавая, что генетика в настоящее время тесно связана со здоровьем человека» (5, с. 265).

Генетические исследования тесно связаны с такими этическими принципами, как уважение свободы и справедливости. С одной стороны, люди могут рассматривать полученную в этой области информацию как руководство к обнаружению и лечению генетических заболеваний и уменьшению страданий больных лю-

дей. С другой стороны, не исключено, что некоторые могут воспользоваться этой информацией с целью «совершенствования» человеческих талантов и искоренения «дефектных» фенотипов. Однако уравнивать таланты и наделять каждого максимальным потенциалом не является целью как биологии в целом, так и генетики, в частности, так как осуществление подобных задач не входит в компетенцию науки в целом. Моральные проблемы, связанные с проектом генома человека, напоминают о том, что человек есть нечто большее, чем носитель генетических свойств. Человек – существо социальное, он является членом семьи, общества, нации.

Сторонники тщательного генетического исследования эмбрионов человека указывают на то, что нет ничего плохого в получении всесторонней информации о будущем человеке, в особенности, когда речь идет об улучшении качества жизни. Однако в данном случае встает острый моральный вопрос о критериях нормы и патологии и о том, кто возьмет на себя ответственность выносить об этом окончательное суждение. Наука обнаруживает широкий спектр отношений между фенотипом и генотипом, и задача ученых – выявить тонкое различие между болезнью, дисфункцией и отсутствием способности. Человеческое сообщество не может процветать, если люди останутся безучастными к страданиям других и не будут терпимы к различиям человеческих способностей.

В рамках принципа справедливости не отвергается ценность человеческой личности как социально независимой единицы. Хотя социальная справедливость может лишь частично осуществляться в реальности, этот идеал достоин своего воплощения, сохраняя свои особенности в каждую историческую эпоху. В обществе, где свобода индивида существует отдельно от социальной ответственности, сами люди оказываются изолированными от социальных ценностей.

Личность представляет собой не средство, а цель, она сама несет моральную ответственность за развитие собственного потенциала. Генетика способна лишь определить границы человеческих возможностей. Справедливость начинается там, где несправедливость рассматривается всерьез. Социальное благо возможно лишь в обществе, где существует свободный выбор. Уважение достоинства человеческой личности требует признания социальной природы человека. Раскрытие генетического портрета человека способно повлиять на то, как он оценивает себя и окружающих, а также внести свои коррективы в трактовку понятия личности.

Э.Л. Бойд (3) призывает избегать крайностей биоредукционизма, низводящего человеческую личность к простой сумме генетических элементов. Разнообразие генетических признаков существует независимо от мечты о генетическом совершенстве. В данном случае важно сохранить баланс между благом отдельного индивида и благом общества. Вопрос о том, что именно является «благом», лежит за пределами биологической науки. Биотехнология – это продукт творческих усилий многих ученых, однако ее применение зависит от моральной ответственности человечества в целом.

Вовлечение генетиков в вопросы репродуктивности рода способно открыть путь для иных моделей будущего. Однако эти модели покрыты пеленой неизвестности. Биотехнические инновации способны внести генетические изменения в человеческую наследственность. Некоторые специалисты указывают на цифру в семь поколений. Это обстоятельство не может не накладывать определенные ограничения на действия современных ученых. При этом следует учитывать этический принцип «не навреди».

Реальность такова, что люди оказываются «выключенными» из этического измерения. Люди – это все те, кто не относится к экспертам от генетики. Согласно правилу информированного согласия, в процесс компетентного обсуждения должны быть включены все заинтересованные лица. Этика – это диалог, в рамках которого есть место для перспективы, ценностей, взглядов, на основе которых строится понимание реальности. Новые взгляды должны выноситься на суд общественности и быть предметом широкого обсуждения. Время и место для технократических моделей будущего должны быть локализованы.

Преимущества генетики для простых людей опосредованы армией экспертов. Консультанты от генетики не просто описывают клиентам генетическую реальность, они создают эту реальность и тем самым радикально меняют представление о будущем. В вопросах медицины консультанты вместо диалога фактически формируют мнение пациентов. В данном случае речь идет не об информированном согласии пациента, а скорее о манипуляции его мнением. Проблема евгенического давления со стороны консультантов-генетиков заключается в том, что при этом нарушаются принципы уважения свободы и целостности человека. Сторонники евгеники пользуются тем, что фокусируют внимание на жизни плода, а этот аспект не подпадает под нормы законодательства большинства раз-

витых стран. Поскольку представители генетики до сих пор не предложили позитивного решения проблемы плода с аномальным развитием, для них остается единственный путь – избавление от такого плода. Акцентируя внимание на таких аспектах, как функционирование плода и женского организма, представители евгеники маскируют социальные проблемы научными изысканиями.

Развитие медицинской генетики обуславливается идеей человеческого совершенства, достигаемого в процессе эволюции и благодаря не столько моральным, сколько технологическим факторам. Согласно представителям «генетического перфекционизма», геном человека – это совершенное синтетическое целое. И хотя это целое не отражает генетический профиль ни одного конкретного человека, именно этот профиль объявляется нормой, на основе которой оцениваются генетические свойства всех людей. Все это оказывается реальным воплощением платоновской «идеи» на земле. Разница заключается лишь в том, что в роли платоновских философов-правителей выступают медики.

Согласно сторонникам евгеники, от всех слабых следует избавляться. Д. Тэрнбал убежден, что по отношению к подобному насилию требуется твердая этическая позиция. Самое эффективное средство в борьбе с насилием – это назвать и описать его. Важным условием в борьбе с ним является атмосфера этической открытости, когда научные достижения соотносятся с соблюдением этических принципов. Интересы «общества в целом» вступают в противоречие с признанием Декларацией ООН (1975) людей с ограниченными возможностями иметь право на уважение и человеческое достоинство. Тэрнбал не разделяет позицию, согласно которой представители генетики должны защищать интересы семьи и общества в целом, опираясь на положение о том, что отдельные лица и человеческие качества обладают большей ценностью, чем другие (15).

Тэрнбал считает, что «генетическая революция в медицине» – это скорее миф, чем реальность, по крайней мере, для ближайшего будущего. «Люди в действительности не нуждаются в генетической революции, создающей евгеническое мировоззрение и евгенические последствия» (15, с. 865). Будущее евгеники – это будущее, в котором ресурсы перераспределяются: в ущерб социальной поддержки людей с ограниченными возможностями и в пользу генетических исследований, призванных избавиться от этих людей. Альтернатива этому будущему – развитие медицинских исследований, способст-

вующих реабилитации людей с ограниченными возможностями. Это будущее, в рамках которого наука гуманизируется и признается, что болезни свойственны природе человека.

Сходную позицию занимает М. Маклин (8), указывая на то, что современное развитие биотехнологии вызывает определенное беспокойство. Оно связано с тем, что растущее могущество в этой области оставляет человеческой эволюции и судьбе отдельного индивида слишком мало выбора. Политика государства в области науки лишает людей возможности рационального дискурса. Более того, наука становится политикой. Со времен рождения клона овцы Долли формируется убеждение, что наука находится в долгу перед развивающейся технологией. Складывается императив, согласно которому то, что в силах создать человек, является неизбежным. Наука перестает быть для людей предметом этики. Заклинание «то, что мы можем, обязательно свершится» ограничивает возможности критического мышления и морального воображения. Маклин утверждает и о том, что возможное не тождественно неизбежному.

Таким образом, в области генетических исследований необходимо учитывать как принцип уважения свободы, так и принцип уважения целостности субъекта.

2. Этические проблемы в области репродукции человека

2.1. Этические проблемы прерывания беременности

В вопросе о возможных сроках прекращения беременности важную роль играет определение статуса эмбриона человека. Если принять положение, что уже на ранних стадиях своего развития зародыш представляет собой человеческое существо, то избавление от него нарушало бы принцип целостности субъекта. Сторонники «либеральной», или секулярной, позиции в этом вопросе, представляющие, в частности, феминистское движение, отрицают в зародыше, находящемся на ранней стадии своего развития, признаки морального существа. Тем самым они отстаивают право женщины на прекращение беременности на этой стадии. Представители «консервативной» точки зрения, совпадающей во многом с позицией религиозной философии, считают, что зародыш представляет собой моральное существо практически с момента зачатия.

Так, А. Холланд указывает, что само понятие «ранний зародыш» отрицает то, что человеческое существо как таковое берет свое начало с момента зачатия. Данное отрицание, несущее с собой существенные моральные последствия, основывается на двух принципиальных аргументах. Согласно первому из них, ранний зародыш лишен качеств, присущих человеческому существу. Однако, с точки зрения А. Холланд, этот аргумент опирается на неверное представление о самом человеке. Согласно второму аргументу, ранний зародыш лишен индивидуальных человеческих черт: это лишь «совокупность клеток». В ответ на это утверждение встает вопрос: как *простая* совокупность клеток может превратиться в индивида, который не является *простой* совокупностью клеток? Представители молекулярной биологии в состоянии идентифицировать отдельные клетки человеческого зародыша. Кроме того, второй аргумент сталкивается с серьезными логическими трудностями в попытке объяснения феномена двойняшек: в данном случае нарушается принцип, согласно которому два индивида одного и того же вида не могут занимать одно и то же место в одно и то же время. Получается, что первые две недели двойняшки составляют как бы единую жизнь и, следовательно, единое человеческое существо (6).

Отсюда Холланд делает вывод, что разделять такие понятия, как «ранний зародыш» и «человеческое существо», неправомерно. Следовательно, человеческое существо берет свое начало с момента зачатия. В свете вышеизложенного любые эксперименты над ранними зародышами не могут иметь морального оправдания. Нельзя скрывать от самих себя факт, что, экспериментируя над зародышем человека, человек экспериментирует над моральным существом. Само понятие «ранний зародыш» метафизически двусмысленно. «Существует лишь одно понятие “человеческого существа” – биологическое. Человеческое существо – это лишь живой организм вида *Homo sapiens*» (6, с. 309).

Некоторые представители биоэтики утверждают, будто факт образования близнецов на ранних стадиях развития плода подтверждает положение о том, что эмбрион человека не обладает моральным статусом. Подобная идея служит для этического обоснования абортов, контрацептивных средств, исследования эмбриона и т.п. К. Мант считает, что образовавшиеся близнецы не соответствуют «оригиналу» так же, как не соответствуют ему появившиеся после деления клетки амебы или после разрезания черви. Сущест-

вует разница между появлением близнецов и процессом копирования. Близнецы нередко возникают менее чем из половины клеток эмбриона и начинают свое независимое развитие. Таким образом, делимость – это способность живого существа делиться на части так, что новые существа того же вида продолжают, а исходное прекращает свое существование (9).

Обладание этим свойством не означает наличие или отсутствие у существа морального статуса. Если предположить, что нормальные взрослые люди обладали бы способностью делимости, они все равно сохраняли бы моральный статус. Если бы через сотни лет эволюция привела к тому, что некоторые люди размножались бы путем деления, это свойство не мешало бы им оставаться людьми.

Некоторые связывают неделимость с уникальностью. Эмбрион может быть уникальным человеческим существом, которое с возникновением близнецов делится на два других уникальных человеческих существа и тем самым прекращает свое существование. Предположим, что нормальный взрослый человек, будучи результатом клонирования, не является уникальным. Этот факт вовсе не означал бы, что он не должен обладать моральным статусом и что его можно мучить или убивать. К. Мант приходит к выводу, что присущее человеческому эмбриону свойство делимости вовсе не отрицает у него наличие морального статуса и не снимает запрет на убийство (9).

Сторонники аборт, опираясь на идеологию феминизма, ссылаются на то, что прекращение беременности – это желание самой пациентки. Однако это желание должно согласовываться с точкой зрения медиков, где следует учитывать интересы как роженицы, так и плода. С позиций медицинской этики необходимость должна основываться на праве информированного выбора. Таким образом, необходимость отнюдь не тождественна желанию. С позиции этики социальной ответственности люди должны поступать таким образом, чтобы их действия согласовывались с общепринятыми моральными принципами и чтобы последствия этих действий были предсказуемы и были во благо общества и его членов.

Сторонники оправдания аборта на ранних стадиях развития плода используют следующие аргументы. Во-первых, этот акт утверждает принцип уважения свободы взрослого субъекта. Во-вторых, плод на ранней стадии своего развития нежизнеспособен. В-третьих, этот плод лишен многих черт, присущих зрелому индивиду. В-четвертых, аборт допустим и на поздних стадиях развития

плода, если врачи установили, что плод имеет аномалии развития центральной нервной системы и, следовательно, не обладает моральным статусом личности. Рождение детей с физическими недостатками порождает не только этические проблемы, но и такие, как стоимость и качество жизни, возможности семьи и общества по уходу за пациентом и т.п. Медицинское решение по поводу новорожденного всегда основывается на неполном знании о будущем, а также на том неизбежном факте, что другое лицо или группа лиц должны принять решение по поводу судьбы новорожденного.

Беременная женщина и врач несут моральную ответственность за благополучие плода, в то время как врач несет также ответственность за благополучие женщины. Если на определенной стадии своего развития плод обретает моральный статус, то окружающие должны уже учитывать его интересы как будущей личности. По мере развития плода ответственность взрослых людей за его судьбу возрастает: они должны избегать любых действий, направленных в ущерб будущему ребенку.

Некоторые последователи социальной концепции морали связывают статус плода лишь с его социальной ролью. Однако вряд ли можно согласиться с положением о том, что социальную роль ребенок обретает лишь с появлением на свет. То обстоятельство, что мать в период беременности устанавливает с плодом разнообразные контакты, увеличивает вероятность благополучных родов. Беременная женщина может совершать поступки, которые положительно или отрицательно сказываются на здоровье будущего ребенка. Она способна проявлять заботу о здоровье ребенка, отказавшись от курения и употребления спиртных напитков, используя в пищу экологически чистые продукты и будучи осторожной в выборе медикаментов. Таким образом, факт появления ребенка на свет не является водоразделом между существом, обладающим моральным статусом, и не обладающим таковым. Подход с точки зрения социальной роли оказывается слишком узок: он указывает лишь на сходство, существующее между ребенком и взрослым человеком. Вместе с тем нормальный ребенок обладает определенными чертами сходства с взрослым человеком, такими, как жизнеспособность, чувствительность, потенциальное самосознание, внешность, и т.п.

Сторонники «либерального», или секулярного, подхода выделяют определенные критерии определения морального статуса плода. Так, обладать самосознанием достаточно для того, чтобы

обладать правом на жизнь. Человек, обладающий самосознанием, является целью самой по себе, поскольку он способен ставить перед собой цели, основанные на рациональном выборе и общепринятых ценностях. Индивид, способный отвечать за свои поступки, требует к себе морального уважения. Такого же уважения требуют к себе и представители иных цивилизаций, если они существуют и обладают самосознанием.

Другим критерием обретения морального статуса считается способность плода к чувствительности, т.е. умение ощущать и воспринимать окружающий мир. Существо, способное ощущать боль и испытывать чувство удовольствия, имеет право на жизнь. Различие между плодом, обладающим способностью к ощущению, и не обладающим таковым, заключается в том, что последний не имеет моральных интересов.

Плод становится жизнеспособным, когда он в состоянии жить вне материнского лона, хотя бы с помощью искусственной поддержки. Жизнеспособность – это такая ступень, когда плод способен к интенсивному развитию. Во-первых, жизнеспособный плод не может быть подвергнут аборт. Во-вторых, в интересах жизнеспособного плода возможно медицинское вмешательство в организм матери.

При этом выделяются два аспекта понятия личности. Первый из них – нормативный – включает в себя полный моральный статус личности: совокупность прав, включая и право на жизнь. Второй аспект, дескриптивный, заключается в обладании самосознанием и связанными с ним качествами: владением речью, способностью к рациональным мыслям и поступкам, обладанием моральными ценностями. Тот, кто обладает самосознанием, является личностью в обоих смыслах этого слова. Индивиды, владеющие свойством самосознания, обладают и моральным статусом. Эмбрион, плод и младенец не являются личностями в дескриптивном смысле, однако их в определенной степени можно наделить моральным статусом (14).

К вопросу о моральном статусе плода сторонники секулярного подхода применяют утилитаристский метод. Во-первых, это позволяет избежать необходимости обоснования общей концепции «морального договора». Во-вторых, при этом не требуется обоснования исходных положений конвенционализма и утилитаризма, поскольку придерживаться отдельных положений этих учений

можно, не обращаясь к его исходной посылке о том, что вся мораль сводится к консеквенциалистским выводам.

Обязательство поступать милосердно опосредовано моральным статусом плода. Чем выше моральный статус плода, тем сильнее указанное обязательство. Когда плод обретает моральный статус, мать должна поступать по отношению к нему, исходя из принципа благодеяния: в частности, операция аборта была бы по отношению к нему этически неоправданной (14).

2.2. Этические проблемы искусственного оплодотворения

Супружеские пары, не имеющие возможности завести детей, могут испытывать такие отрицательные эмоции, как раздражение, чувство вины, депрессивное состояние. Эти люди порой неловко чувствуют себя среди друзей и близких, у которых есть дети. Некоторые считают, что это Бог наказал их за какие-то грехи. Причинами этого могут быть секс до брака, использование контрацептивов, аборты, венерические заболевания и т.п. Следствием бесплодия может быть развод.

В платоновском диалоге *«Пир»* Сократ указывает следующие три способа достижения бессмертия: свершение подвига, создание выдающегося произведения и рождение детей. И хотя личного бессмертия при этом не достигается, в случае с рождением ребенка человек устанавливает связь с будущими поколениями. Однако даже в этом случае возможности генетического родства весьма ограничены. Существует вероятность, что дети или внуки не будут иметь детей. Но даже если эта вероятность и не осуществится, то доля наследуемых генов сокращается с каждым поколением: например, в пятом поколении сохраняется лишь одна шестнадцатая часть исходных генов.

Для женщины иметь ребенка важно еще и потому, что это связано с особыми чувствами, которые она испытывает во время беременности и родов. Беременная женщина испытывает внимание и уважение со стороны родных и близких. После нелегких испытаний женщина чувствует особую радость, связанную с появлением ребенка на свет. Беременность может сопровождаться значительными жертвами со стороны матери в интересах ребенка. Отношение к беременности тесно связано со сложившимися в обществе социокультурными традициями.

Многие родители стремятся завести собственных детей, поскольку это связано с процессом воспитания. С одной стороны, воспитание детей требует немало времени, энергии и денег и сопровождается психологическими стрессами и чувством тревоги. Вместе с тем родители испытывают чувство удовлетворения, помогая детям развивать свои способности и таланты.

Все это указывает на то, что желание иметь собственных детей является разумным: лишить человека возможности продолжения рода означает нарушить его чувство самоидентичности и ограничить его способность к самовыражению. К. Стронг наряду с принципом уважения свободы выдвигает принцип репродуктивной свободы субъекта. Этот принцип основывается на том, что государство не должно ограничивать неотъемлемые права индивида. Нарушение чьих-либо прав является неэтичным поступком независимо от последствий этого поступка. Моральное право тесно связано с уважением личности: любой человек заслуживает уважения к себе независимо от того, какое он занимает место в рамках морального сообщества (14).

Право человека на продолжение рода отражено в международных актах о правах человека. Согласно Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., совершеннолетние мужчины и женщины, независимо от расовой, национальной и религиозной принадлежности, имеют право вступать в брак и создавать семью. Последнее означает право свободно решать вопрос о продолжении или непродолжении рода. Принцип репродуктивной свободы предполагает также право на то, чтобы не иметь ребенка, включая право на использование контрацептивов и право на аборт.

Желание женщины иметь собственного ребенка во многом складывается под влиянием культурных традиций. Важнейшим культурным стереотипом, касающимся распределения ролей между полами, является представление о том, что главное назначение женщины – это рождение и воспитание детей. Хотя оба родителя по закону несут равную ответственность за своих детей, считается, что ребенок важнее для женщины, чем для мужчины. Для того чтобы в условиях современного общества добиться политического, экономического и социального равенства, женщина должна в полной мере руководствоваться принципом репродуктивной свободы. Равенство для женщин означает помимо всего прочего обретение

влиятельных позиций во всех сферах общественной жизни. Поскольку процесс воспитания детей требует много времени и энергии, чем в большей степени женщина вовлечена в этот процесс, тем труднее для нее получить хорошее образование и добиться успеха в карьере. Социальные традиции не способствуют тому, чтобы мужчина активно участвовал в процессе воспитания детей, и не удивительно, что основной груз в этом деле ложится на плечи женщины. Необходимо, чтобы женщина свободно принимала решение о том, иметь или не иметь детей и если иметь, то когда. Лишение индивида возможности принять решение о том, чтобы иметь или не иметь детей, означает вмешательство в его личную жизнь и нарушение принципа уважения свободы.

Любовь – это интимный акт, тайна, касающаяся только двоих. Тело одного партнера открывается для другого, осуществляя сексуальные потребности каждого из них. Важнейшим аргументом, который выдвигают противники искусственного оплодотворения, является то, что при этом теряется интимность. Вместе с тем перед человеком могут встать этические проблемы, связанные с деликатным вмешательством общества в его репродуктивные способности. При этом встает необходимость соблюдения таких этических правил, как конфиденциальность и уважение частной жизни. Эти проблемы касаются, например, таких областей, как суррогатное материнство, замораживание эмбриональных клеток на ранней стадии их развития и т.п. Некоторые склонны связывать принцип репродуктивной свободы со свободой получения генетической информации о плоде для того, чтобы, основываясь на этой информации, решать – иметь или не иметь ребенка.

Согласно традиционному взгляду, родителями ребенка считаются природные, генетические родители. Однако пожертвование яйцеклеток и сперматозоидов для рождения детей внесло определенные трудности в проблему определения родителей. Мужчино-донор, который часто сохраняет анонимность, имеет право на опеку и воспитание ребенка. В необходимых случаях подобные вопросы решаются через суд. В случаях суррогатного вынашивания и искусственного осеменения важную роль играют такие этические правила, как уважение частной жизни, конфиденциальность, верность данному слову и др.

Согласно традиционным представлениям семья складывается из двух гетеросексуальных партнеров – мужчины и женщины, ко-

торые выполняют как генетическую, так и социальную функции, связанные с рождением и воспитанием детей. Современные репродуктивные технологии вносят определенные изменения в эти традиционные представления. Так, генетическая мать и мать, вынашивающая плод, могут быть различными людьми так же, как могут быть различны генетическая мать и «социальная» мать; кроме того, социальным родителем ребенка может быть лишь один человек или два человека одного пола.

Против подобных нетрадиционных «семейных союзов» возникают серьезные возражения. Одно из них касается вреда, который может оказать на детей воспитание в рамках этих «союзов». Другое заключается в том, что указанные союзы способствуют разрушению традиционной семьи как социального института. Кроме того, нетрадиционные семьи могут оказывать негативное влияние как на отдельных женщин, так и на женщин как социальную группу в целом. Однако сторонники «либерального» подхода считают, что моральное право на рождение и воспитание детей служит основанием для признания нетрадиционных семей. «Ни одно из возражений, касающихся этих “союзов”, – пишет, например, К. Стронг, – недостаточно убедительно для того, чтобы признать их аморальными или, тем более, незаконными» (14, с. 110). Последователи указанного подхода допускают также возможность хранить эмбрионы в зачаточной стадии своего развития в замороженном состоянии с целью их возможного использования в будущем при условии, что желающие их сохранить способны оплачивать это хранение.

В выборе возможного супруга люди нередко учитывают те черты, которые он способен передать будущему ребенку. И это явление считается этически оправданным. Обладая репродуктивной свободой, субъект должен также обладать свободой выбора будущего супруга, исходя из его индивидуальных качеств. Некоторые критики утверждают, что выбор донора в целях искусственного оплодотворения являет собой пример позитивной евгеники. Однако, как возражают сторонники «либерального» подхода, для того, чтобы поставить барьер позитивной евгенике, существуют иные средства, кроме запрещения выбора потенциального донора: к примеру, запрещение аборт в селекционных целях. Например, если выбор донора К. Стронг считает этически оправданным, то исследование плода и последующий аборт в селекционных целях – нет (14).

Женщина, которая вынашивает ребенка, появившегося на свет благодаря имплантированной яйцеклетки, генетически с ним не связана, несмотря на то обстоятельство, что ее муж является отцом ребенка. В данном случае супруги имеют естественное желание усыновить ребенка. Однако как быть в той ситуации, если женщина-донор предъявит на ребенка свои материнские права? Э. Пейдж приводит следующие положения отчета Уорнокского комитета по исследованию оплодотворения и эмбриологии человека. Во-первых, когда сперматозоид или яйцеклетка жертвуются, этот факт считается абсолютным, вследствие чего доноры не имеют по отношению к ребенку ни прав, ни обязанностей. Во-вторых, женщина, дающая ребенку жизнь, т.е. выносившая ребенка, считается его матерью. Ребенок принадлежит ей потому, что она его родила, а не потому, что ей пожертвованы сперматозоид или яйцеклетка. Пожертвование сперматозоида или яйцеклетки рассматривается как добровольный отказ от каких бы то ни было прав на будущего ребенка. С целью избежания возможных конфликтов пожертвование может осуществляться через посредника так, чтобы донор и реципиент не знали друг друга. Если женщина-реципиент не замужем, то родительские права и обязанности могут быть переданы исключительно ей. Если же она замужем, то может возникнуть вопрос, распространяются родительские права и обязанности на ее мужа или нет. С точки зрения нравов современного общества и женщина-реципиент, и ее муж обладают родительскими правами и обязанностями, в то время как с точки зрения существующего права муж женщины-реципиента не является отцом ребенка. Таким образом, в вопросе о родительских правах решающим фактором оказывается то обстоятельство, были ли сперматозоид или яйцеклетка *пожертвованы* реципиенту или нет (10).

Пейдж рассматривает другой пример суррогатного вынашивания, когда женщина соглашается родить ребенка для супружеской пары, в которой жена не в состоянии иметь своего ребенка. В данном случае муж этой пары нередко является донором в результате либо искусственного, либо естественного оплодотворения. Вопрос заключается в том, является ли соглашение или договор, заключенный между суррогатной матерью и уполномоченной супружеской парой, об отказе суррогатной матери от ребенка обязательным. Отчет Уорнокского комитета дает на этот вопрос отрицательный ответ. Таким образом, окончательное решение по данной проблеме должно основываться на доброй воле обеих сторон. Возможна также ситуа-

ция, когда одна супружеская пара, способная к воспроизводству ребенка, делает это для другой супружеской пары, которая не имеет такой возможности. В данном случае приемные родители имеют право на усыновление ребенка только тогда, когда генетические родители добровольно это право им передают. Например, согласно английскому законодательству, соглашение о передаче родительских прав недействительно, если оно представлено менее чем через шесть недель после рождения ребенка. Кроме того, само по себе желание родителей не является достаточным условием для передачи родительских прав – на это требуется специальное решение суда. При этом на первый план выступает принцип, согласно которому дети не могут быть предметом передачи родителями в другие руки. Только суд принимает окончательное решение по данному вопросу. Не отрицая в принципе возможности на передачу родительских прав, Э. Пейдж вместе с тем подчеркивает, что этот акт не должен быть результатом скоропалительного решения. Требуется некоторое время, чтобы естественные родители адекватно оценили свой поступок. Взвешенным следует считать такое решение о передаче родительских прав, которое принимается до зачатия ребенка (10).

Сторонников практики суррогатного вынашивания нередко обвиняют в тенденции к ее коммерциализации. Однако эта критика в той же мере может относиться и к практике обычного усыновления, если эта практика не регулируется законами, социальными нормами и соглашениями. С одной стороны, сторонники практики суррогатного вынашивания указывают на то обстоятельство, что она является средством, облегчающим людям возможность принять на себя обязанности отцовства и материнства, избегая неестественных их заменителей. С другой стороны, эта практика подвергается серьезной моральной критике. Так, в Определении Освященного юбилейного архиерейского собора Русской Православной Церкви об *«Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»* дается оценка нравственным аспектам применения новых репродуктивных технологий, включая искусственное и экстракорпоральное оплодотворение, донорство половых клеток, суррогатное материнство. Большая часть из них (за исключением искусственного оплодотворения с использованием половых клеток мужа) осуждается церковью, которая «призвана отстаивать достоинство человеческой личности и целостность брачных отношений» (1, с. 51). Таким образом, при рассмотрении проблем в области репро-

дукции человека важную роль играют такие этические принципы, как уважение целостности и уважение свободы выбора субъекта.

Список литературы

1. Определение Освященного юбилейного архиерейского собора Русской Православной Церкви об «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» // ЖМП. – М., 2000. – № 10.
2. Barilan M.Y. Medicality: The fifth bioethical principle of medical ethics for the internal morality of medicine // *Eubios j. of Asian a. international bioethics.* – Christchurch, 2003. – Vol. 13. – P. 168–175. – Mode of access: <http://www.biol.tsukuba.ac.jp>
3. Boyd A.L. Genetics and social justice // *Eubios j. of Asian a. international bioethics.* – Christchurch, 2002. – Vol. 12. – P. 167–171. – Mode of access: <http://www.biol.tsukuba.ac.jp>
4. Dettweiler U., Simon P. Points to consider for ethics committees in human gene therapy trials // *Bioethics.* – Oxford, 2001. – Vol. 15, N 5–6. – P. 491–500.
5. Giarelli E. Safeguarding being: A bioethical principle for genetic nursing care // *Nursing ethics.* – Cambridge, 2003. – Vol. 10, N 3. – P. 255–268. – Mode of access: <http://sagepub.com>
6. Holland A. A fortnight of my life is missing: a discussion of the status of the human pre-embryo // *Applied philosophy: Morals a. metaphysics in contemporary debate.* – L. etc., 1991. – P. 299–311.
7. Iftime O. A few considerations on ancient and modern eugenics // *Eubios j. of Asian a. international bioethics.* – Christchurch, 2003. – Vol. 13. – P. 221–223. – Mode of access: <http://www.biol.tsukuba.ac.jp>
8. McLean M.R. A framework for thinking ethically about human biotechnology // *Markkula center for applied ethics.* – Santa Clara (Ca), 2003. – Mode of access: <http://www.scu.edu/ethics>
9. Munthe C. Divisibility and the moral status of embryos // *Bioethics.* – Oxford, 2001. – Vol. 15, N 5–6. – P. 382–397.
10. Page E. Donation, surrogacy and adoption // *Applied philosophy: Morals a. metaphysics in contemporary debate.* – L. etc., 1991. – P. 272–283.
11. Rajput V. Hope and fear in genetics // *Eubios j. of Asian a. international bioethics.* – Christchurch, 2002. – Vol. 12. – P. 72–74. – Mode of access: <http://www.biol.tsukuba.ac.jp>
12. Sass H.-M. A «contract model» for genetic research and health care for individuals and families // *Eubios j. of Asian a. international bioethics.* – Christchurch, 2001. – Vol. 11. – P. 130–132. – Mode of access: <http://www.biol.tsukuba.ac.jp>
13. Savulescu J. Procreative beneficence: Why we should select the best children // *Bioethics.* – Oxford, 2001. – Vol. 15, N 5–6. – P. 413–426.

14. Strong C. Ethics in reproductive and perinatal medicine: A new framework. – New Haven etc., 1997. – 247 p.
15. Turnbull D. Genetic counselling: Ethical mediation of eugenic futures? // Futures. – Dordrecht etc, 2001. – Vol. 32. – P. 853–86. – Mode of access: <http://www.elsevier.com/locate/futures>
16. Mameli M. Reproductive cloning, genetic engineering and the autonomy of the child: The moral agent a. the open future // J. of medical ethics. – L., 2007. – Vol. 33. – P. 87–93.
17. Habermas J. The future of human nature. – Cambridge (UK): Polity, 2003.
18. Glad J. Future human evolution: Eugenics in the twenty-first century. – Schuylkill Haven, 2006. – 116 p.